

Александр Грин

Леаль у себя дома

Александр Грин
Леаль у себя дома

«Public Domain»

1915

Грин А. С.

Леаль у себя дома / А. С. Грин — «Public Domain», 1915

«Пока лаяла цепная собака, вор не особенно беспокоился. Ленивый, вопросительный лай ясно указывал на отсутствие у собаки сильных, воинственных подозрений. Верхним чутьем она слышала посторонний запах, мелькавший обрывками в ровном ветре, дующем со стороны дома, но это могло быть также запахом с улицы. Вор переходил из комнаты в комнату, водя огненным кружком карманного фонаря по обоям и столам, скрытым тьмой. Он только что пробрался в дом и еще не вполне ориентировался. Целью поисков был кабинет или будуар. Временами, прислушиваясь, он гасил свет и двигался ощупью. Наконец он различил так хорошо знакомый его опытному носу запах женщины, сложный букет парфюмерии, цветов, материи и чистоты. Чистота и опрятность, свойственная женщинам, имеют, как известно, свой запах, несравнимый, как запах сена, о котором так и говорят: запах сена...»

Содержание

I	5
II	6
III	7
IV	8

Александр Грин

Леаль у себя дома

I

Пока лаяла цепная собака, вор не особенно беспокоился. Ленивый, вопросительный лай ясно указывал на отсутствие у собаки сильных, воинственных подозрений. Верхним чутьем она слышала посторонний запах, мелькавший обрывками в ровном ветре, дующем со стороны дома, но это могло быть также запахом с улицы.

Вор переходил из комнаты в комнату, вода огненным кружком карманного фонаря по обоям и столам, скрытым тьмой. Он только что пробрался в дом и еще не вполне ориентировался. Целью поисков был кабинет или будуар. Временами, прислушиваясь, он гасил свет и двигался ощупью. Наконец он различил так хорошо знакомый его опытному носу запах женщины, сложный букет парфюмерии, цветов, материи и чистоты. Чистота и опрятность, свойственная женщинам, имеют, как известно, свой запах, несравнимый, как запах сена, о котором так и говорят: запах сена.

Вор остановился, и огненный глаз фонарика начал буравить тьму, останавливаясь на различных предметах. Мошенник облегченно вздохнул, поняв, что попал не в спальню. Это был будуар – место, где иногда оставляют драгоценные вещи. Вор осмотрел каминную доску, столики, пожал с видом недоумения плечами и двинулся к письменному столу.

За стеной скрипнула дверь, кто-то кашлянул и спросил: «Ты слышишь?» Женский голос ответил: «Нет». – «Мне показалось, что кто-то ходит, пойду посмотрю, я помню, что дверь на балкон открыта». – Мужской голос смолк, и неторопливые шаги раздались в коридоре.

Вор быстро открыл окно, схватил по пути небольшую шкатулку и прыгнул в сад, попав на подбросившие его упругие кусты жимолости. Собака, рванув цепь, залаяла хриплым басом, беснуясь и угрожая. Вор бросился к садовой решетке, перескочил ее и побежал в сторону канала, в прикрытие глухих переулков. Бежал он ровно, без особенного страха и без особенного огорчения; состояние его духа напоминало кислую гримасу игрока, игравшего весь вечер вничью. Шкатулку он крепко держал под мышкой, рассчитывая вознаградить себя, в случае пустоты ее или бесценности, – удовольствием сковырнуть замок. Без этого привычного действия он считал бы ночь окончательно потерянной во всех смыслах.

II

Ночной трактир «Астра» приютил с месяц назад бледного человека с породистым и пьяным лицом, одетого в нечто напоминающее одежду. Он просил милостыню и пропивал ее. Его приставания к прохожим были подчас резки и уныло-назойливы, иногда – вежливы и своеобразно изящны. Он знал языки. В его манерах сохранился намек на большое и, может быть, блестящее прошлое. У него были седые виски и хриплый, но мягкий голос. Среди нищих и хулиганов его звали «Жетон», а настоящее имя выговаривалось: Леаль Ар.

Часа полтора спустя после похищения шкатулки из виллы Ассун Жетон сидел в «Астре» у липкого столика без водки и табаку. По углам шептались или, посадив на колени женщин, спаивали их до истерики и потери сознания. Леаль Ар думал о беспроволочном телеграфе Маркони. Он любил, выбрав какой-либо предмет, чуждый печальному настоящему, мысленно уходить от «Астры» и самого себя.

Вошел человек с пытливым и деловым лицом. Это был вор Зитнер, завсегда «Астры». Леаль Ар пристально смотрел на него, ожидая в случае успешных дел Зитнера грошовой подачки и, как всегда, – порции спирта. Зитнер медленно подошел к нему и сел рядом. Ар вздрогнул. Взгляд Зитнера ощупывал его, мерил, изучал и спрашивал. Ар покорно молчал.

– Жетон, – заговорил Зитнер, – то, что я расскажу тебе, никто не должен знать, кроме нас. Если тебе надоели объедки, скверная водка и ночлеги на свалках – держи язык за зубами. Ты можешь хорошо, очень хорошо заработать.

– Водки, – сказал Ар. – Меня трясет, и я понимаю тебя плохо.

– Есть. – Зитнер мигнул стойке. – Сова, дайте водки, один стакан, и большой. Слушай, Жетон. Я украл письма, большой пук любовных писем к богатой замужней женщине. Это чистые деньги. Письма были в шкатулке, я бросил ее в канал. За письма дадут десятки, а может быть, сотни тысяч. Смекни. Мне некого послать с ними, кроме тебя. Шантаж должен сделать джентльмен; простому вору дадут по шее или дадут в десять раз меньше, чем следует. Мошенник крупного полета, каким ты должен показаться той даме, особенно если тебя одеть с иголочки, вырезвить и надушить – внушит страх и почтение. А за почтение надо платить дорого.

– Недурно, – сказал Ар.

– Да. Я вижу, кто ты. Ты барин. Для этого дела, Жетон, нужен барин.

Ар думал и напивался. Он пил большими глотками, быстро хмелел. Слова Зитнера наполнили «Астру» призраками. Ар промотал состояние и хорошо знал, что дают деньги. Лучезарное сияние их коснулось его души. Он пил и был в прошлом, упоительном, как величавый, певучий бал, полный праздничных лиц.

«Последняя гадость, – сказал он мысленно, – последняя – и новая жизнь. Мне дадут ее деньги, много денег». Он грустно и решительно улыбнулся.

– Я готов, – сказал Ар, – что нужно делать теперь?

– Иди.

III

Было совсем светло, когда Зитнер разбудил Ара. В просторной, хорошо обставленной комнате появился грибообразный старик с замкнутым и ехидным лицом. Ар лежал на кушетке; ему было удобно, мягко и весело.

– Приготовил? – спросил старика Зитнер. – Чтобы лучший сорт.

– Это что, – старик протянул руку. – Денег, денег мне надо, бестия. Уплатил бы?!

– Вечером.

– Сбежишь?

– Дурак. Идем, господин Жетон. – Зитнер провел Ара небольшим коридором к двери, откуда слышалось журчанье воды. – Жетон, ты вымоешься. В соседней комнате лежит твой костюм. После всего этого я послужу тебе парикмахером.

Ар остался один. Ванна! С волнением смотрел он на этот давно не виданный им предмет комфорта. Вода шумно текла из крана, взбивая прозрачную пену. Леаль разделся и окунул ногу, но тотчас же отдернул ее. «Варвары! Это сорок градусов», – пробормотал он, опустив градусник, и тотчас пустил холодной воды. Тщательно, с неописуемым наслаждением вымылся он с головы до ног. Теперь руки дрожали меньше, и он чувствовал себя гораздо бодрее. Метаморфоза забавляла его, как ребенка. Он прошел в соседнюю комнату и расплакался, увидев дорогое белье.

Чудесный язык вещей заговорил и пленил его. Первые движения Ара были торопливы и нервны, но уже через десять минут сказались незабываемые привычки некогда модного льва. Ар неторопливо застегивался, повертываясь перед зеркалом. Смутны и торжественны были его мысли. Рассеянный бег их подсказывал многое из того, с чем он одевался во все лучшее десять лет назад. Забытые лица, встречи, улыбки и разговоры подымались из глубин памяти, подобно золотым рыбкам, гонящимся за мошкаррой. Ар оделся и вышел.

– Жетон, – глубокомысленно сказал Зитнер и смолк. Перемена наружности Ара поразила его. Пожилой, бодрый господин с немного надменным лицом стоял посреди комнаты.

– Мне нравится черный галстук, – сказал Ар, – сбегайте-ка за ним, Зитнер.

IV

В четыре часа пополудни наемная карета везла Ара по набережной. В кармане его лежало одно из писем. Его он должен был предъявить в доказательство похищения.

По дороге он узнавал, – не механически, как в весь долгий период темного, унижительного падения, – а по-старому – некоторые дома, углы улиц, скверы и церкви. Здесь он расстался с Гинером, убитым на дуэли, в том магазине покупал жемчуг для невесты-сестры; в этом доме познакомился с Риверсами, там флиртовал с цыганкой, увезенной затем на автомобиле к южному морю.

Как быстро, как ужасно быстро прошло все. Ему показалось, что всадник, обогнавший его, – старый друг Тилли, и вся кровь бросилась ему в лицо от неожиданности. Дело, которое ехал он выполнить, Тилли не мог одобрить. Он дал бы ему пощечину и отвернулся, если б узнал об этом.

– Я, – сказал Ар, – я, Леаль Ар, шантажист. – Но слово это ничего не говорило ему. Сознание его дремало. Он не мог представить, как произойдет все. Он относился к этому как к необходимой, тяжелой и болезненной операции и старался не думать.

Карета остановилась. Леаль расплатился и нащупал письмо. Для большей верности он вынул его; это было точно – письмо, данное Зитнером. Теперь Леаль сильно и тягостно волновался. Желая успокоиться, он остановился у входа, развлекаясь чтением похищенного письма. Это было старое, выцветшее письмо, полное нежных, горячих слов и ласки; письмо, писанное его рукой, его почерком, на его любимой, зеленоватой бумаге, – адресованное Марии Клер.

Карета давно отъехала. Над палисадом, в солнечной пыли переулка носились синие стрекозы и пчелы. Сады пышно дремали. У каменного косяка двери бился головой и рыдал Леаль Ар.

– Здесь нет свежих устриц! – насмешливо пробормотал газетчик, увидев входящего в рыночный подвальчик с крепкими напитками изящного господина навеселе. Вошедший, по видимому, не нуждался в устрицах: он попросил водки и повторил это три раза. Трактир закрылся.

– Идите домой, господин! – крикнул слуга, толкая заснувшего за столом Ара.

– Разве я не дома? – сказал Ар. – Я дома, но вы не видите этого. Я дома, откуда сейчас гоните вы меня, но скоро – да, скоро – приду к вам.